

Эльдар Ахадов
Лермонтов и другие

страницы жизни и творчества великих поэтов

Эльдар Алихасович Ахадов Лермонтов и другие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611457

Аннотация

«Лермонтов и другие» – книга Эльдара Ахадова, посвященная некоторым малоизвестным страницам жизни и творчества великих поэтов России – Михаила Лермонтова, Сергея Есенина, Николая Гумилёва, Велимира Хлебникова. Во второй части книги представлены авторские исследования кельтского, ненецкого и азербайджанского фольклора.

Содержание

Лермонтов в Азербайджане	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Лермонтов и другие
страницы жизни
и творчества великих
ПОЭТОВ**

Эльдар Ахадов

© Эльдар Ахадов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Лермонтов в Азербайджане

1837 год. Трагическая гибель Пушкина. Корнет лейб-гвардии гусарского полка Михаил Юрьевич Лермонтов пишет стихотворение «На смерть поэта» и отправляется в ссылку – на Кавказ. В мае того же года его стихотворение «Бородино», успевшее получить одобрение главного редактора Александра Сергеевича Пушкина, публикуется в журнале «Современник». Тем временем, Лермонтов, поэтическая слава которого становится всенародной, изъездив Северный Кавказ от Кизляра до Тамани, пересекает Главный Кавказский хребет и оказывается в Грузии. В Тифлисе он, по долгу службы, обращается в канцелярию главного управляющего гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области Григория Владимировича Розена. Ему сообщают, что Нижегородский драгунский полк, в который он направлен, отбыл в Азербайджан, в город Кубу. И ему следует отправиться туда. Там же, в канцелярии, Лермонтов знакомится с помощником переводчика восточных языков, молодым азербайджанцем по имени Али. Так он сам представился Михаилу Юрьевичу, чтобы русскому было проще к нему обращаться. Полное имя переводчика было *Мирза Фет Али-бек Гаджи Алескер оглы Ахундов (Ахундзаде)* – будущий великий азербайджанский писатель-просве-

титель, поэт, философ-материалист и общественный деятель, основоположник азербайджанской драматургии и литературной критики. Мирза Фет Али – так сам Ахундов писал свое имя по-русски. У поэтов было много общего: во-первых, они были почти ровесниками, Али родился в 1812, а Михаил в 1814, во-вторых, Ахундов только что написал своё первое значительное произведение – элегическую поэму «На смерть Пушкина», в-третьих, Лермонтову предстояло ехать в Азербайджан, а лучшего переводчика с азербайджанского, чем Мирза Фетали Ахундов, разносторонне образованного, блестяще владевшего кроме того арабским, персидским, турецким и русским языками, трудно было бы себе представить! Уроки азербайджанского языка, в разное время брали у Ахундова Александр Бестужев и поэт Яков Полонский. Брал их и Лермонтов... Непосредственным начальником Лермонтова в полку был подполковник Григорий Иванович Нечволодов. По преданиям, бывавший в доме Нечволодовых Лермонтов танцевал с его приемной дочерью Екатериной Григорьевной мазурку.

Из Тифлиса Лермонтов едет в Шеки, название которой путает в письме к Раевскому с Шушой (поскольку я сам однажды в ранней молодости сделал точно такую же письменную ошибку, то знаю, что это вполне возможно. Э. А.). Едет он через Шеки неслучайно, а потому, что подружился с Али, который не мог не посоветовать ему заглянуть в Шеки, на свою родину. Вполне возможно, Михаил Юрьевич по-

бывал и в его родном доме в Шеки. Затем Лермонтов добирается до Шемахи, где встречается с нижегородскими драгунами, которые дальше не едут, потому что военные действия в Кубе уже закончились, и в их присутствии там нет необходимости. В Шемахе поэт слышит от народного певца – ашыга сказание «Ашыг Гериб», драгуны – однополчане в общих чертах пересказывают ему его содержание. Лермонтов запоминает и после путешествия, уже в Тифлисе, просит Али-бека помочь ему записать эту сказку. Друг ему помогает. Кроме того в Шемахе Лермонтова настолько восхищает танец шемахинских девушек, что он в дальнейшем упоминает об этом в своих стихах. То, что Шемаха произвела на Лермонтова сильное впечатление, отмечено А. В. Поповым, который считал, что «пляски шемахинских танцовщиц поразили Лермонтова», и в подтверждение своей мысли приводил строфу из «Демона», отражающую шемахинские впечатления поэта:

В ладони мерно ударяя,
Они поют – и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То остановится, глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,

То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка...

Несмотря на то, что полк дальше не едет, сам Лермонтов направляется в Кубу. Куба – это не только город Куба, но и районный центр одной из областей Азербайджана – Гусарского района (также называемого просто Гусары), где в 1834 г. была штаб-квартира Апшеронского пехотного полка. В очерке «Путь до города Кубы» А. А. Бестужев-Марлинский по этому поводу отмечает, что указанный полк был расположен «... в так называемой Новой Кубе, в двенадцати верстах от Старой, ближе к морю, на берегу реки Гусары. Месторасположение – прелесть, плодовые леса шумят кругом». В Кубе жить негде, только что прошла война. Поэтому поэт селится в Гусарах, неподалеку. Там он живёт в доме военного врача добрейшего подполковника Александра Александровича Маршева. Вскоре поэт влюбляется в Зухру – дочь подполковничьего соседа Курбана и пишет стихотворение «Кинжал». В Гусарах Лермонтов любит красоту заснеженного Шах-дага (высота 4243 м), окрестными пёстрыми осенними лесами (на дворе – октябрь 1837 года), горной рекой Гусар-чай и, возможно, Каспийским морем, до которого, впрочем, 40 километров. Кстати, в это бархатное время года в Гусарах изобилие яблок и груш. Итак, Лермонтов в октябре 1837 года посетил Шеки, Шемаху, Кубу и Гусары...

Во время своего месячного пребывания в Азербайджане поэт проявил огромный интерес к азербайджанскому языку и фольклору. В Тифлисе Лермонтов с помощью Али-бека приступил к его изучению, о чем сообщал Раевскому так: «...начал учиться по-татарски (по-азербайджански – Э. А.), язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе, – да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию...»

Данная запись подтверждает, что Лермонтов, понимая значение азербайджанского языка как основного средства общения в Азии, не только встречался с жившими в Тифлисе азербайджанцами и брал уроки, но и с целью близкого ознакомления с восточной культурой и исламом намеревался совершить паломничество (хадж) в Мекку, которому не суждено было осуществиться.

Помимо Мирзы Фатали Ахундова вполне вероятно, что в Тифлисе Лермонтов мог также встречаться и с азербайджанским историком и поэтом Аббас-кули Бакихановым, который осенью 1837 г. был вызван в местопребывание кавказского наместника для объяснения по поводу событий в Кубе. В октябре-ноябре 1837 г. он находился в Тифлисе. Объяснение А. Бакиханова, поданное полковнику И. И. Васильчикову, подписано: «Полковник Аббас-Кули. 19 октября 1837 г., г. Тифлис»

В лермонтоведении также допускается мысль о встрече

Лермонтова с азербайджанским просветителем и писателем Исмаилбеком Куткашенским, который осенью 1837 г. продолжал службу в русской армии, играл важную роль в интеллектуальном кружке кавказских офицеров, владел персидским, русским, французским, польским языками и имел широкий круг знакомых среди русских офицеров. В любом случае, Лермонтов имел возможность близко соприкоснуться с образом жизни «закавказских татар» (азербайджанцев – Э. А.), их обычаями и традициями и во время пребывания в Грузии, в частности в Тифлисе, где тогда жило и сейчас живёт немало азербайджанцев.

Азербайджанская тема в творчестве М. Ю. Лермонтова ввела в русскую литературу новые образы и идеи, внесла в нее новую живительную струю, обогатила лексику и язык произведений поэта многочисленными лексическими пластами азербайджанского происхождения. Полагаю, что специальное лингвистическое изучение восточной, в том числе азербайджанской, лексики, ее количества в произведениях поэта может привести к интересным заключениям о степени владения Лермонтовым азербайджанским языком.

В сказке «Ашик-Кериб», романе «Герой нашего времени», в поэмах и стихотворениях Лермонтова немало азербайджанских слов и выражений, или активно употребляющихся в азербайджанском языке как «свои»: сааз (саз), оглан, ашик, бек («Ашик-Кериб»), чурек (письмо к С. А. Раевскому), зурна, папах, чуха («Демон»), чинара («Свида-

ние», «На бурке...»), ахалук (архалыг) («Кавказец»), якши, яман, йок, чек якши, карагез («Герой нашего времени»), каравансарай («Ашик-Кериб», «Я в Тифлисе»), паша («Прощай, немытая Россия»), кунак («Валерик», «Герой нашего времени»), чалма, намаз («Валерик», «Спеша на север издалека»), ага, аллах, валлах («Ашик-Кериб», «Герой нашего времени», «Спеша на север издалека»), чадра («Демон», «Свидание»), туптус, тютпюс (дюпдюс) («Линейной рукой поправляя»), джанечка – т. е. душенька («Герой нашего времени»); ана – мать, чапра – занавес, инди керурсез – скоро узнаете («Ашик-Кериб»), байран (вместо байрам – праздник), чихирь (чахыр – вино, в «Измаил-бее») Все эти слова встречаются в произведениях поэта, написанных во время первой ссылки на Кавказ, когда он имел возможность непосредственно вступать в общение с азербайджанцами и знакомиться с их родиной. Лермонтов старался сохранять азербайджанские слова, поясняя в скобках их фактическое значение: ага (господин), ана (мать), оглан (юноша), рашид (храбрый), сааз (балалайка), гёрурсез (видите), мисирское (то есть египетское) вино, – а в наименовании грузинского города Тифлиса воспроизвел его чисто азербайджанское произношение: Тифлиз.

По мнению тюрколога М. С. Михайлова и исследователя И. Андроникова, все восточные слова, встречающиеся в сказке «Ашик-Кериб», можно отнести к азербайджанскому языку, а форма слова «герурсез» (точнее «герюрсюз»),

наблюдается только в диалектах Азербайджана. В сказке сохранился национальный колорит, она показывает огромную заинтересованность русского поэта в азербайджанском фольклоре.

Заслуживает внимания вопрос и о влиянии Востока на философское мировоззрение поэта. Об интересе к «восточному», «мусульманскому» образу мышления, к восточной философии и религии Лермонтов говорит неоднократно. Вот, к примеру, строки из стихотворения «Валерик»:

...Я жизнь постиг;
Судьбе как турок иль татарин
За все я равно благодарен
У бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили...
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит не поднимая глаз...

Слова «не поднимая глаз» – это азбука искренне верующего. Быть может, и Лермонтова «невольно сблизили» с Исламом его «небеса Востока» азербайджанского путешествия... Учитывая то, что сразу после поездки поэт писал своему другу о намерениях посетить Мекку, совершить

хадж, можно говорить о том, что речь идет не о простом увлечении восточным колоритом. Владимир Соловьёв, автор книги «Магомет: Его жизнь и религиозное учение», пораженный любовью Пушкина к Пророку Мухаммаду, сказал: «Не каждому дано слышать Священный Коран, как Пушкину, Лермонтову, Тютчеву...». Восточная песня «Измаил-Бей» – одна из самых ранних у Лермонтова. Она создана в 1832 г., когда имамом Чечни и Дагестана стал Шамиль, воевавший с русскими. Измаил принял новую веру, но, не считаясь с нравами русских, ушёл назад. С радостью его встречает брат и вождь Росламбек:

«Велик Аллах и Магомет» —
...Сама могила
Покорна им! В стране чужой
Мой брат храним был их рукой: —
Вы узнаете ль Измаила?
Между врагами он возрос,
Но не признал он их святыни...

Своё отношение к войне на Кавказе и к противникам, с которыми ему предстояло, быть может, встретиться в бою, поэт, когда его вновь направили в ссылку на Кавказ, выразил в письме 17 июня 1840 года из Ставрополя А. А. Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд, на левый фланг, в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму...»

Ответственный секретарь Российского Лермонтовского

комитета Алексей Захаров говорит о Лермонтове так: «Лермонтов был свой на Кавказе и воспринимался своим человеком. Почему? Потому что, во-первых, он вырос на Кавказе, он достаточно долго там прожил в станице Червленая со своей бабушкой. Система кавказских отношений была ему не чуждой. То есть на Кавказ воевать он приехал не в чужое место, а прекрасно зная, что там происходит.

Именно поэтому ему доверили именно деятельность таких разведывательных отрядов, или отрядов быстрого реагирования. В эти отряды собирались добровольцы, которые назывались следопытами, самые отчаянные, оторванные люди, как говорят, разных национальностей причем.

Обычные воинские подразделения были в этом смысле мононациональными, а здесь, в эти отряды подбирали всех по желанию, тех, кому охота свою удаль показать. Поэтому среди них было много казаков, много представителей различных национальностей, были среди них и кавказцы. И Лермонтов командовал одним из таких отрядов. (Это действительно так, в письме Лермонтова А. А. Лопухину (16—26 октября 1840 г. Крепость Грозная) поэт сообщает, что в его отряде есть татары (азербайджанцы) Э. А.). Естественно, в этом отряде находились и местные. Они его признавали своим, и раз они его признавали как командира (а там был именно вопрос его признания как командира, это назначение такое, если отряд его не принимал, то он не мог бы командовать), значит, он передавался в вербальном контакте

с остальными людьми, что этот – свой человек. И эта информация о нем как о своем воспринималась именно так: о своем человеке, который воевал, да, против, но он был из своих.

Если солдат попадал в плен к горцам, с ним можно было сделать все что угодно, потому что он был чужой. Его можно было продать в рабство, убить, поменять – все что угодно с ним сделать и не отвечать за него абсолютно, потому что он чужой.

И тот же самый человек, если он казак был, тоже русский, тоже представитель противника, если он попадал в плен, его можно было только поменять. Его нельзя было убить, нельзя было продать, потому что он был свой. А свои были – это люди, которые жили по тому укладу, по тем традиционным жизненным установкам, по тем обычаям (как на Кавказе говорили – по «адатам»), которые определяли систему жизни. Лермонтов принадлежал как раз к этой породе людей, воюющих на стороне противника, но своих.

Еще был один аспект, что он был отмечен Богом, Всевышним. Он ашуг. Про него как говорили: «Вот офицер в красном бешмете, и его нельзя убивать». Красный бешмет – это рубаха такая, шелковая или хлопчатобумажная со стойкой, которая под чоуху или под черкеску надевалась. На самом деле у нее много названий, у этой одежды... Ашуг – это поэт, но не простой поэт, а именно отмеченный. В бою он вел себя соответствующим образом. То есть воевал по всем правилам, по каким воевали на Кавказе, кавказцы».

...После возвращения с Кавказа в Петербург Лермонтов с истинно восточным красноречием пишет Павлу Ивановичу Петрову : «... я благославил во-первых всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний». И – завершает послание полушутливыми но одновременно и полусерьёзными словами: «...и великий пророк да направит стопы почтальона». А приятными воспоминаниями были воспоминания об осеннем путешествии по Азербайджану и о пребывании в Грузии в кругу своих новых кавказских друзей.

На известном автопортрете Лермонтов изобразил себя в полевой форме нижегородского драгуна: с наброшенной еще на плечи черной буркой в широкой, просторной куртке с нашитыми по обе стороны груди газырями и красным воротником с тёмно-зелёной опушкой, в казачьих шароварах с лампасами, с шашкой через одно плечо, с лядункой через другое (специальная сумка для боевых припасов), с ружьём в чехле за спиной. Именно в этой форме на боевом коне он путешествовал по горным дорогам Азербайджана осенью памятного 1837 года. Вот как сам поэт описывает свои ощущения от одного взгляда на открывающиеся с горных вершин просторы Закавказья в письме Святославу Раевскому: «... право я не берусь объяснить или описать этого удивительного чувства: для меня горный воздух – бальзам; хандра к чорту, сердце бьется, грудь высоко дышит – ничего не надо в эту

минуту; так сидел бы да смотрел целую жизнь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.